

**ЛУЧШИЕ
ВОИНЫ
В ИСТОРИИ**

ВИТАЛИЙ ПЕНСКОЙ

«ЯНЫЧАРЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

**СТРЕЛЕЦКОЕ ВОЙСКО
ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.**

**МОСКВА
2019**

УДК 94(47)”15/16”
ББК 63.3(2)45
П25

Рецензенты:

д.и.н., проф., зав. кафедрой политической истории
Воронежского государственного университета *В.Н. Глазьев*
к.и.н., руководитель группы научно-методических разработок ФГБУ «Государственный
комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ *А.Н. Лобин*

Художник: *Азат Кужин*

Пенской, Виталий Викторович.

П25 «Янычары» Ивана Грозного : стрелецкое войско во 2-й половине XVI – начале XVII в. / Виталий Пенской. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 320 с. — (Лучшие воины в истории).

ISBN 978-5-04-101302-8

На протяжении более чем полутора столетий, с середины XVI в. и вплоть до самого окончания правления Петра Великого, неотъемлемой частью русского войска были стрельцы. Они стали первой русской пехотой, полностью оснащенной огнестрельным оружием и которую можно назвать постоянной и в известном смысле регулярной (с поправкой на реалии эпохи).

Созданное в 1550 г., во время т.н. «реформ Ивана Грозного», стрелецкое войско прошло боевое крещение в самой известной военной кампании первого русского царя – взятии Казани осенью 1552 г. Зарекомендовав себя с самой лучшей стороны во время казанской эпопеи, «выборные» «огненные стрельцы» прочно заняли свое место в структуре государевых ратей. Ни один мало-мальски крупный поход и военное предприятие эпохи Ивана Грозного и его преемников не обходились без участия стрельцов, московских и городских. Взятие Астрахани, противостояние с крымским ханом, война в Ливонии с литовцами, поляками и шведами, Полоцкая и Баториева войны, походы на Северный Кавказ, бесчисленные бои и стычки времен Смутного времени с иностранными интервентами и русскими «ворами» – боевая летопись стрелецкого войска до предела насыщена событиями.

В исследовании одного из ведущих специалистов по русской военной истории раннего Нового времени в подробностях воссоздается история стрелецкого войска на первом этапе его истории – с момента создания до окончания Смутного времени и первых лет царствования царя Михаила Федоровича. Вооружение и тактика стрельцов, их организация и командная иерархия, стрелецкая «повседневность» в дни войны и мира, набор и обучение стрельцов, государево жалованье и многое, многое другое – все, что сохранилось до наших дней в немногочисленных документах и других свидетельствах эпохи, подробно рассмотрено в этой книге.

УДК 94(47)”15/16”
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-04-101302-8

© Пенской В.В., 2019
© Красников А.В., рисунки
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

Московские стрельцы. Кто не слышал о них? Эти суровые бородастые мужики в клюквенно-красных кафтанах и шапках, в красных же сапогах с загнутыми носками, с тяжелой пищалью и перевязью-берендейкой через плечо, саблей на боку и внушающим почтение и невольное уважение своими размерами бердышом в руке давно уже стали своего рода «брендом» старой допетровской Руси и русского войска той эпохи. Образ стрельца запечатлен во множестве художественных полотен, в книгах и кинофильмах и прочно вошел в общественное сознание.

Однако для тех, кто так или иначе более или менее глубоко погружен в русскую военную историю раннего Нового времени и в историю русского военного дела той эпохи (а военная история и история военного дела не совсем одно и то же, это не синонимы, а скорее, взаимодополняющие понятия), нет сомнений в том, что этот хрестоматийный образ московского стрельца относится к последней трети XVII в., к последним годам правления «тишайшего» царя Алексея Михайловича и его сына Федора, к временам 13-летней войны с поляками за Украину и первой настоящей русско-турецкой войны из-за все той же Украины. Таким его, московского стрельца, видели в те времена иностранные дипломаты на торжественных встречах-«стойках» и во время торжественных же царских выездов, таким его они описали в своих записках и мемуарах и зарисовали. С тех пор «классический» московский стрелец и начал свое путешествие по страницам книг и экранам кинотеатров и телевизоров (а сейчас и компьютеров). Но ведь не секрет, что к тому времени, когда сформировался тот образ, московским стрельцам было уже больше сотни лет, и хотя стрелец времен Алексея Михайловича и не отличался настолько от своих предтеч времен Ивана Грозного, как петровский

фузилер от мушкетера времен Отечественной войны 1812 г., тем не менее отличия были, и порой весьма существенные.

Увы, к превеликому нашему сожалению, сегодня мы не можем **в точности** (выделено нами. — В.П.) восстановить облик московского стрельца в первые десятилетия существования стрелецкого войска. Московские архивы XVI в., и архив Стрелецкого приказа в том числе, сильно пострадали в бурных событиях начала XVII в., вошедших в историю под названием «Смутное время», да и регулярные московские пожары не лучшим образом отразились на судьбе многочисленных документов, запечатлевших в себе основные вехи исторического пути, пройденного стрелецкой пехотой в те первые три четверти века ее существования. Тем не менее в нашем распоряжении есть необходимый минимум материалов — сохранившихся буквально чудом актов, разрядных записей, летописных свидетельств и, конечно же, рассказов современников о том, что представляли собой московские стрельцы в те стародавние времена — как они выглядели, чем были вооружены, какое получали содержание и многое другое. Одним словом, стоит попытаться реконструировать, проведя своего рода исторический розыск, используя в комплексе, системно, имеющиеся в нашем распоряжении материалы для того, чтобы представить перед читателями достаточно правдоподобный образ стрельца времен Ивана Грозного и его ближайших преемников. И эта попытка будет авторским вариантом ответа на извечный вопрос, который издавна стоит перед историками — «как оно было на самом деле» («Wie es eigentlich gewesen» — фраза, принадлежащая патриарху германской исторической мысли Л. фон Ранке).

Результаты этого разыскания позволят дать ответ на вопрос (перефразируя известное выражение) — «откуда есть пошло стрелецкое войско, кто на Москве стали первыми стрельцами и откуда стрелецкое войско стало быть». Само собой, в ходе этого розыска непременно найдутся ответы и на другие, не менее важные, вопросы — например, кого можно считать предшественниками стрельцов (кстати говоря, этот вопрос вызвал в 50-х гг. минувшего столетия нешуточную дискуссию), для чего и зачем был создан корпус стрелецкой пехоты, из каких слоев русского общества и каким образом рекрутировались стрельцы, как было устроено стрелецкое войско, как оно управлялось и как билось «огненным боем» и «ручным сечением» на полях

сражений многочисленных войн, которые вело Русское государство во 2-й половине XVI — начале XVII в., каким было его содержание и...

Одним словом, в ходе предпринятого нами исторического разыскания придется ответить на целый ряд вопросов, так или иначе касающихся не только «истории битв и сражений», но и истории «военной повседневности» русских стрельцов. Конечная же цель нашей работы состоит в том, чтобы закрыть (хотя бы частично) лауну в наших познаниях об этой странице истории Русского государства и общества, ибо, как будет показано дальше, несмотря на то, что стрельцы сыграли важную роль в истории России той давней эпохи, обобщающей работы о них не было и нет по сей день.

Сама по себе история московских стрельцов (понимая под этим термином не столько их местопребывание, сколько распространенное наименование периода в русской истории — эпохи Московской Руси) интересовала нас давно, еще со студенческой скамьи. Правда, на первых порах мы сполна отдали дань негативным историческим и литературным стереотипам, которые сложились вокруг стрельцов в конце XVII — начале XVIII в. и были закреплены в последующие столетия. Однако в начале 2000-х гг. постепенно произошла переоценка их места и роли в русской военной истории и истории русского военного дела, и связана эта переоценка была, во-первых, с основательным и глубоким знакомством с источниками (летописями, актовными материалами, разрядными записями и пр.), а не с их интерпретациями, а во-вторых, с совершенствованием рабочего инструментария, методов, посредством которых проводится историческое исследование, созданием нового «вопросника», с которым заново, не полагаясь на мнения авторитетов, пришлось подступаться к пожелтевшим от старости текстам. Новый образ стрельца и стрелецкого войска, который сформировался в результате более чем полуторадесятилетних изысканий в этой области, существенно (а в некоторых вопросах — радикально) отличался от привычных стереотипов, став частью новой картины истории русского военного дела раннего Нового времени, картины вполне узнаваемой, но вместе с тем в важнейших деталях существенно отличавшейся от традиционной.

Создание в середине XVI столетия корпуса стрелецкой пехоты стало закономерным результатом включения Русского государства в процессы, связанные с совершенствованием и широким распространением огнестрельного оружия в Евразии в эпоху позднего

Средневековья — раннего Нового времени. С легкой руки британского историка М. Робертса эти процессы получили в историографии 2-й половины минувшего столетия название военной (иногда к этому определению делают уточнение — «пороховой», поскольку в историческом сообществе в 60 — 70-х гг. говорили о нескольких военных революциях, например, о «гоплитской», раннесредневековой, которая привела к появлению рыцарства, и др.) революции (о ней и ее особенностях подробнее будет сказано дальше). И пускай эта оригинальная концепция сегодня выглядит уже не столь убедительно, как в 50-х–60-х гг. минувшего столетия, а ее позиции подорваны критикой со стороны «эволюционистов» (которые отрицают саму идею военной революции в эпоху раннего Нового времени, отстаивая тезис о постепенной, эволюционной по своей сути трансформации средневекового военного дела в раннемоделное). Никто — ни сторонники М. Робертса и его последователей, ни их оппоненты (истина лежит где-то посередине, и в каких-то вопросах правы сторонники революции, а в каких-то — «эволюционисты») не оспаривают того очевидного факта, что внедрение в повседневную военную практику огнестрельного оружия, сперва тяжелого (артиллерия), а затем и легкого (ручное огнестрельное оружие разных систем и конструкций), имело далеко идущие последствия и в военной сфере, и в других. Изобретение и повсеместное внедрение огнестрельного оружия обусловило рождение новой тактики, постепенно изменило стратегию и «лицо битвы», способствовало превращению военного дела из ремесла в науку, и науку сложную. И самое важное — непреложным стало то обстоятельство, что тот, кто располагал необходимым набором огнестрельного оружия, не говоря уже о кадрах, способных его производить и применять на поле боя, имел неоспоримые преимущества над теми, у кого не было ни того ни другого. Отныне грубая физическая сила и количественное превосходство перестали играть доминирующую роль на полях сражений. Качество победило (не сразу, конечно, со временем) количество.

Если мы посмотрим на историю стрельцов 2-й половины XVI — начала XVII в. под этим углом зрения, то можно с уверенностью сказать, что для Русского государства создание корпуса стрелецкой пехоты (наряду с формированием артиллерийского «наряда» и налаживанием массового выпуска огнестрельного оружия и боеприпасов к нему) также стало важным этапом на пути превращения его в пол-

ноценную «пороховую империю».¹ Несколько подзадержавшись на старте, во 2-й половине XV в. (и в особенности в последней его четверти), при Иване III, Русское государство набрало приличные темпы в деле совершенствования своей военной силы и приведения ее в соответствие с новейшими требованиями военного дела и впредь старалось не отставать от конкурентов в этом вопросе. Возможно, объяснение этому явлению кроется, с одной стороны, в том, что Русскому государству приходилось вести практически непрерывные войны и, соответственно, вносить необходимые коррективы в генеральное направление развития и улучшения с учетом накопленного опыта и последних новинок в военном деле собственной военной машины. С другой стороны, опыт этих многочисленных войн наглядно показывал, чем чревато малейшее отставание в военном деле, и правящая элита Русского государства, осознавая это, стремилась не допустить повторения печальных событий прошлого.

Вместе с тем, анализируя особенности развития русской военной машины эпохи раннего Нового времени, нетрудно при более или менее внимательном и непредвзятом ознакомлении с имеющимися в нашем распоряжении материалами заметить, что перенимание зарубежного опыта военного строительства в Москве производилось весьма выборочно, с учетом местных реалий и возможностей (весьма, кстати сказать, невеликих). Речь ни в коем случае не шла о прямом копировании тех или иных инноваций в столь важной сфере жизни государства и общества, но о применении заложенных в эти инновации принципов и к конкретным условиям, в которых приходилось действовать русским ратям, и к имевшимся в распоряжении властей возможностям, финансовым, материальным и людским, которые позволяли адекватно отвечать на вызовы времени.

Почему так получилось? Ответ надо искать в плоскости, которая на первый взгляд может показаться весьма далекой от военного дела. Не секрет, что раннемодерное Русское государство нельзя назвать ни богатым, ни процветающим — сама природа, само географическое положение России в те времена налагали серьезные ограничения на развитие ее экономики, носившей ярко выраженный аграр-

---

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15.

ный и вместе с тем довольно примитивный, архаический характер. Россия раннего Нового времени — это не раннесредневековая Русь-Гардарика, а деревенская страна с редким, рассеянным на больших просторах населением, немногочисленными городами, большая часть из которых мало чем отличалась от сел. И вдобавок ко всему сама природа, по образному выражению С.М. Соловьева¹, была для русских скорее мачехой, нежели доброй матерью. Как следствие, то, что могли позволить себе монархи Западной Европы раннего Нового времени, московские великие князья и государи, крайне стесненные в средствах, позволить себе не могли. Приходилось, по одежке протягивая ножки, искать альтернативные пути выхода из создавшейся ситуации, и в целом, надо признать, это неплохо у них получалось. Достаточно сравнить территорию Русского государства в 1462 г., когда Иван III принял бразды правления из рук умирающего отца, и в 1605 г., накануне Смуты — территориальный рост налицо, и рост весьма и весьма значительный. Добиться же такого успеха, имея в руках негодное оружие, в те времена было невозможно — следовательно, военная машина Русского государства 2-й половины XV — начала XVII в. была достаточно эффективна и адекватна имеющимся силам и средствам. Эту же адекватность невозможно было обеспечить без рационального, вдумчивого, отнюдь не поспешного освоения передового на тот момент военного опыта, теории и практики, причем заимствуемых (естественно, с последующей адаптацией к местным условиям и реалиям) равно как на Западе, так и на Востоке

Стрелецкое войско, появившееся в середине XVI в., представляло собой один из наиболее ярких примеров такого рационального подхода к перениманию инноваций в военном деле. В том, что в Москве внимательно изучали вопросы, связанные с военным строительством в соседних государствах, сомневаться не приходится, равно как и то, что из полученного опыта делались соответствующие выводы. Московские «стратилаты»-«воинники», имея перед глазами широкий спектр возможных вариантов действий (условно говоря, модель западноевропейскую, модель восточноевропейскую и модель османскую) и весьма богатый собственный опыт использования пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, выбрали из них те принципы,

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 8.

те идеи, что в наибольшей степени подходили к местным условиям. Можно, конечно, сказать, апеллируя к чисто внешним признакам, что стрельцы — это своего рода русский аналог османских янычар, однако при более пристальном взгляде между янычарами и стрельцами есть глубокие внутренние различия. Точно так же стрелецкая пехота мало походит на восточноевропейских жолнеров, не говоря уже о западноевропейских ландскнехтах. Московские стрельцы «классического» периода в истории развития русского военного дела (а под «классическим» мы понимаем временной промежуток с середины XV по начало XVII в.) — самобытное явление, имеющее долгую, более чем полувековую (по крайней мере, так следует из сохранившихся источников) предысторию. При этом они тем не менее испытали влияние с самых разных сторон, и сегодня сложно сказать, какое из них было доминирующим. Забегая вперед, отметим, что весьма распространенное мнение о том, что в Москве при создании стрельцов руководствовались османской традицией и стрельцы — это пересадка на русскую почву идеи янычар, «нового войска», все же не соответствует действительности. Слишком много различий между стрельцами и янычарами.

Эта самобытность и рационализм, прагматичность, проявленные в деле перенимания зарубежного опыта военного строительства, в немалой степени стали залогом успешной карьеры и стремительного развития корпуса стрелецкой пехоты. Появившись на свет как отборные, элитные части пехоты (своего рода «лейб-гвардия», телохранители царской особы), вооруженной исключительно ручным огнестрельным оружием (холодное и древковое оружие никогда не играло в стрелецкой «паноплии» доминирующей роли — это же, кстати, относится и к непосредственным предшественникам стрельцов пищальникам), первые стрельцы прошли успешную проверку боем в ходе 3-й Казани в 1552 г. В последовавших затем военных конфликтах в 50-х — начале 60-х гг. XVI в. (впору даже вести речь о своего рода «дипломатии стрельцов», особенно когда речь заходит о взаимоотношениях Москвы с татарскими юртами, возникшими на месте распавшейся Золотой Орды, — той же Казанью или Астраханью) они подтвердили свою отменную репутацию, завоеванную под стенами и валами Казани. Вполне удовлетворенные высокими боевыми качествами и эффективностью стрельцов, московские военные практики и теоретики в последующие десятилетия продолжили на-

рашивать численность стрелецкой пехоты, при этом отделив отборные части московских стрельцов от стрельцов городских.

Это разделение позволило быстро нарастить численность стрельцов, которые, хотя и уступали основе русского войска той эпохи, конной поместной милиции, тем не менее к концу XVI в. стали играть весьма существенную роль в походах и боях. Ни один мало-мальски значимый поход государевых ратей не обходился без стрельцов, не говоря уже об оборонах или осадах крепостей и городов. Этому способствовали и отработанная тактика применения стрельцов на поле боя, и значительное внимание, которое отводилось решению вопросов, связанных с поддержанием боеспособности стрельцов на должном уровне. Так, в ходе войн 50 — 70-х гг. XVI в. вырабатывается практика временной придачи стрелецким приказам легкой артиллерии, а с конца XVI в. начался процесс их перевооружения со старых ручниц с ударно-фитильными замками на самопалы — ружья с ударно-кремневыми замками. Параллельно шли и эксперименты с довооружением стрельцов холодным и древковым оружием, особенно интенсивно проводившиеся в годы Смуты.

Ценность стрельцов тем более возрастала, если принять во внимание такой важный параметр оценки, как соотношение затрат на содержание и боевой эффективности. Рост числа поместной конной милиции во 2-й половине XVI в. сопровождался столь же стабильным падением ее боеспособности, и стрелецкое войско, в особенности отборные московские приказы, выгодно отличалось на этом фоне от детей боярских, прежде всего провинциальных «украинных». К тому же и для несения гарнизонной службы в многочисленных крепостях и острогах, растущих как грибы по периметру границ Русского государства, стрельцы и их удешевленный вариант в лице городских казачков подходили больше, нежели дети боярские.

Вместе с численным ростом стрелецкого войска происходила и одновременная его «социализация», превращение его в отдельный разряд служилого «чина» с параллельной выработкой корпоративного самосознания. Уже «казенные» пищальники в начале своей истории именовали себя «государевыми холопами». Тем самым они подчеркивали свою служилую сущность и отделяли себя от тяглых «чинов», тем более что они, как люди, несущие государеву службу, обладали немалыми податными и юридическими льготами. К стрельцам это относилось в еще большей степени. Впрочем, это и неудивительно,

учитывая, что московские власти по меньшей мере с конца 40-х гг. XVI в. взяли курс на более четкое оформление «чиновной» структуры общества и законодательное закрепление результатов этого процесса.

Результатом всех этих мероприятий к началу XVII в. стало окончательное «конституирование» стрелецкого войска как неперемного, неотъемлемого элемента русского войска «классического» периода (под которым мы понимаем время между серединой XV и началом XVII в.). Представить московское войско без стрельцов стало просто невозможно, а сами они обретают более или менее узнаваемый вид (впрочем, заметим, что столь привычные бердыши и берендейки все-таки стали атрибутом вооружения стрельцов позднее, при Алексее Михайловиче, хотя нельзя исключить и того, что первые опыты с переменами в стрелецкой амуниции относились к более ранним временам — к Смоленской войне и после нее). Пройдя через испытания Смуты, стрелецкое войско после него возрождается в буквальном смысле слова как феникс из пепла пока еще на старых основаниях. Новый этап в жизни стрельцов начнется в 30-х гг. XVII в., но это предмет отдельного разговора, так что, если вести речь о временных рамках этой работы, то они охватывают временной промежуток с середины XVI по начало XVII в. и частично — послесмутное время. При этом, исходя из того, что всякому историческому явлению предшествует более или менее длительная предыстория, мы не оставим нашим вниманием предшественников стрельцов — пищальников. Это тем более представляется необходимым, если принять во внимание тот факт, что о них в отечественной исторической литературе сказано не так уж и много. А ведь пищальники, несомненно, заслуживают большего внимания со стороны историков уже хотя бы по той причине, что они представляют собой первый, и достаточно успешный, опыт создания в России пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием.

Завершая это краткое вступление, несколько слов о самой книге. Сама идея написать некую обобщающую работу о московских стрельцах 2-й половины XVI — начала XVII в. появилась достаточно давно — еще в начале 10-х гг. К этому же времени относятся и первые наброски структуры книги и отдельных сюжетов будущего повествования. В последующие годы постепенно накапливался и осмыслялся фактический материал, отработывалась общая концепция книги,

а вместе с нею — и отдельные ее разделы. Обдумывая структуру будущей книги, мы в конце концов решили воспользоваться формулой, которую вывел американский культуролог С. Хантингтон. Характеризуя военную мощь государства, он отмечал, что она «имеет четыре измерения: количественное — количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое — эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное — слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное — способность и желание общества эффективно применять военную силу»¹. В чем-то его тезисы перекликаются с мыслью, высказанной французским историком Ф. Контамином. «Предмет (речь идет о средневековой войне и военном деле, однако эти слова вполне приложимы и к предмету нашего исследования. — В.П.) требует рассмотрения с разных сторон, — писал он, — если мы хотим осмыслить его в полном объеме: воинское искусство, вооружение, набор в армию, состав и жизнь армий, моральные и религиозные проблемы войны, связи между феноменом войны и социальной, политической и экономической средой»². Руководствуясь этими соображениями, мы разбили собранный для книги материал на несколько блоков, изменив только их последовательность.

Вся эта подготовительная работа могла бы затянуться надолго, если бы не Н. Аничкин и А. Чаплыгин. Без толчка с их стороны «Янычары» Ивана Грозного» (название выбрано не случайно — с одной стороны, здесь есть явный элемент провокации, а с другой — термин «янычары» в отношении русских служилых людей начала правления Ивана Грозного действительно встречается в летописях и актовых материалах. Так почему бы не использовать его для названия книги?) появились бы на свет не скоро. Дополнительное ускорение работе над рукописью придало сперва обсуждение в Сети тезиса историка С. Нефедова о «турецком» следе в генезисе стрельцов, а потом дискуссия вокруг реконструкции О. Федорова, выполненной на материалах О. Курбатова, на которой изображен московский стрелец времен Смуты с бердышом. И когда Н. Аничкин предложил ускорить работу над книгой, то к этому все уже было готово. Осталось только

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 126.

² Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001. С. 7.

сесть за клавиатуру и перенести в электронный вид предыдущие работы, на что, собственно, и ушли конец лета и осень 2018 г. И вот то, что получилось, и представляется на суд читателей. Надеемся, что книга станет небольшим, но существенным вкладом в изучение истории русского военного дела раннего Нового времени и принесет пользу всем любителям русской военной истории. Заранее извиняемся перед будущими читателями за частое цитирование выдержек из летописей и документов той эпохи — с непривычки читать их порой достаточно сложно, но, увы, при переводе на современный русский литературный язык теряется дух времени, эффект присутствия, а это, по нашему убеждению, неправильно.

Отдельно хотелось бы высказать нашу благодарность Д. Селиверстову, Н. Гурову, А. Томсинову, А. Юшкевичу, К. Козюренку и К. Нагорному, а также читателям моей странички в «Живом Журнале». Без вашей поддержки, вашего участия, советов и комментариев эта книга выглядела бы иначе и не скоро обрела бы законченный вид. Отдельная благодарность и компании Google, благодаря которой были размещены в Сети многие редкие и ранее труднодоступные издания материалов и документов, так или иначе связанных с историей русского военного дела, и теперь можно работать с ними, не выходя за пределы родного дома. И, конечно же, нельзя не сказать о той глубочайшей признательности нашей супруге Т. Пенской, неизменно поддерживающей нас во всех наших начинаниях и обеспечивающей нам надежный тыл. За все трактовки и интерпретации, кроме оговоренных, и, само собой, за конечный результат, автор несет полную ответственность, но, прежде чем вы, уважаемый читатель, перевернете эту страницу, вспомните крылатую латинскую фразу — *Fecit, quod potuit, faciunt meliora potentes*¹! На этой ноте мы и закончим авторское вступление и перейдем к делу.

---

¹ Я сделал, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше. (лат.)